

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВ

**ПЛАЧ ПО ТЕМ,
КТО ОСТАЛСЯ ЖИТЬ**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Ю85

Серия «Военная боевая фантастика»

Выпуск 47

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Юрьев, Сергей

Ю85 Плач по тем, кто остался жить : роман / Сергей Юрьев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Военная боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-160637-4

Николай Свиридов, подобно Анджею Кмицицу, был готов на все ради славы, и горе тем, кто станет на его пути к ней. Красноармейцы, врангелевцы, махновцы, туркестанские повстанцы, тувинцы — всем мало не покажется. Герой и несомненный герой: «взвод под командованием Н. С. Свиридова атаковал противника во фланг и смелым ударом обратил его в паническое бегство, захватив при этом два пулемета».

Так и жил Николай, словно получил отсрочку приговора на 20 лет: делай, что хочешь, но потом заплатишь вдвойне за свою удачу..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-160637-4

© Сергей Юрьев, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.</i> Анджей Кмициц с хутора Евлантьев	5
<i>Глава первая.</i> Полтавские сны о далеком	5
<i>Глава вторая.</i> Испытание отрока Николая	35
<i>Глава третья.</i> «Чемодан» навесом	60
<i>Глава четвертая.</i> Отравы прошлого	79
<i>Глава пятая.</i> Военно-дипломатическая работа на Востоке.	103
<i>Глава шестая.</i> Легион бед на пороге	131
<i>Глава седьмая.</i> «И оказался он в Бездне, и стал он Бездной»	160
<i>ЧАСТЬ ВТОРАЯ.</i> Михал Володыевский из Бердичева	190
<i>Глава первая.</i> Явление героя	190
<i>Глава вторая.</i> Дела скорбные, следственные	192
<i>ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.</i> Встреча героев со смертельным исходом для одного.	261
<i>ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.</i> Свиридов. Post mortem. Идеологическая связь с его женой	266
<i>ЧАСТЬ ПЯТАЯ.</i> Чистилище для Володыевского	276
<i>ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.</i> Волховский фронт	310
<i>ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.</i> «Вновь открывшиеся обстоятельства», которых не было	316
<i>Эпilog</i>	351

Разве я плачу о тех, кто умер?
Плачу о тех, кому долго жить...

М. Волошин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
АНДЖЕЙ КМИЦИЦ
С ХУТОРА ЕВЛАНТЬЕВ

Глава первая
ПОЛТАВСКИЕ СНЫ О ДАЛЕКОМ

Дорога за станицей Абинской совершенно испохабилась с наступлением оттепели. Конские ноги с хлюпаньем входили в жидкую грязь и с подобным же звуком вылезали из нее. Известный охальник и матерщинник Ферапонтов по этому поводу сказал кое-что особо непристойное, но никто во взводе на его сравнение не отреагировал. Из низких облаков сеял мелкий дождичек, и настрой, подобно дождевым каплям, скатывался с одежды и капал под ноги, в жидкую грязь, утопая в ней. Шинели и полушубки потихоньку

напитывались водой. Кони чувствовали настрой всадников и тоже еле шли. Что будет дальше? Верста, еще верста, еще десяток, потом будет станица Крымская, потом еще какая-то станица или хутор, а затем море. И нелегкий выбор: куда дальше? За море или... И что это за «или»?

Едущий справа Федот Колентьев поднял лицо к небесам, принял в него с полсотни капель и со вздохом вытер щеки обшлагом.

— Плачет небушко, словно моя Настасья при проводах, наверное, нас оплакивает...

Взводный обернулся, зыркнул на Федота зверем, тот понял и не стал продолжать.

Мерным шагом, сквозь пелену дождя, вперед, в неизвестность. Тянулась их сотня, полк, армия и тянулась. Где-то за спиной погромывала артиллерия, неявно так, дескать, я здесь, еще сдерживаю красных, а не сброшена под откос, чтобы бежать легче было. Далеко ли стреляют эти пушки? Знакомые батарейцы говорили, что обычно их пушка бьет не более чем на шесть верст, но если подкопать сошник, то можно гранатой и до восьми верст достать. То есть красные где-то не очень далеко. Правда это мог стрелять и бронепоезд. А с ним загадывать сложно — закрутит свою машину, и вот он, вылетел на прямой выстрел. Хотя стрелять могли и красные батареи, не только донцы и кубанцы.

Как бы подтверждая горестные думы, правее дороги в высоту поднялись три белых об-

лака. Как раз на минуту дождь лить перестал, словно для того, чтобы все это увидели и с дождевой тучкой не попутали.

Взводный, увидев такую картину, аж почернел, выругался и двинул вперед, расталкивая других, к сотнику.

Федот тоже присвистнул и сказал:

— Дождались мы, Колька, светлого праздника! Что, не видел еще такого? Это тяжелые пушки шрапнелью бьют. Сейчас будет нам на орехи.

Николай торопливо перекрестился и зашептал: «Господи, иже еси на небеси...»

Над дорогой прозвучал бас сотника:

— Сотня-я!

Ему вторил взводный, пересыпая команды руганью, чтобы лучше доходило.

Но выполнить их было уже не суждено — по спине как будто колом врезало. И Гнедко захлебнулся ржанием и грохнулся наземь, придавив ногу Николая. Глаза казака уставились вверх и над дорогой увидели вспухающее белое облако.

Оно заполнило собой серое небо и застило серым глазам белый свет.

...Николай Семенович открыл глаза. Нет, это просто кошмарный сон. Вокруг не мерзкая сырость февраля, а летнее тепло августовской ночи. Да и память подсказывала, что не догнала его красная шрапнель на грязной дороге за станицей Абинской. Это вообще не тогда было, а месяцем раньше.

Но, черт возьми, как сон похож на жизнь, словно он вернулся из кровати обратно на дорогу отступления! Так можно вскочить и бежать, судорожно разыскивая коня, шашку и ожидая, что красные из-за угла кухни вернуться по его душу!

Все, сердце перестало из груди выскакивать, можно спать дальше. Полоса рассвета еще не крадется в окно, значит, он живой, видит сны, а не наяву под огнем лежит. Глаза закрылись, однако сон, хоть и поменялся, но не ушел из прежней колеи — волны уйгуров, накатывающиеся на их строй. Стоявшие на левом фланге китайцы смылись сразу, но от них ничего другого и не ждали, потому на уступе шел другой «алтайский» полк, что пропустил с улюлюканьем губернаторских китайцев и не дал уйгурам возможности ударить во фланг. Огнем «льюисов» они были отброшены, а потом пришло время сабельной атаки. Оба «алтайских» полка, а также бывшая конница Ма рванули вперед — под звуки горнов и медных труб-карнаев. «Алтайские» кричали «ура» вперемешку с матом, а хуэйцзу (вот, прости господи, слова-то) визжали что-то по-своему. Вообще эти хуэйцзу от уйгур видом отличались мало, на взгляд Николая Семеновича: хоть те, хоть эти — какая-то помесь китайца и нормального человека, только китайский вклад в родню у каждого разный. Поэтому ребята Ма в бою повязывали поперек лба белую повязку, чтобы случайно не огрести по тому

же лбу шашкой. «Алтайцы» носили бывшее английское обмундирование и казачьи шаровары с лампасами, оттого их не путали, даже если мамаша «алтайца» происходила явно из азиатцев.

Впрочем, Николай Семенович сильно в азиатские лики не вглядывался и предпочитал сначала шашкой, а потом уже думать, это кто там лег в песок или траву? По крайней мере, никто на него не жаловался. Да, конные Ма тогда были с ними и тоже рубали уйгур, а потом сам Ма вылез в мечеть и заявил, что будет воевать с продажным Шенем, но при этом призвал всех стать на помощь верховному хозяину Шеня Чан Кайши. Вот и считай их всегда своими и отводи шашку от них?! И это был не последний маневр Ма из лагеря в лагерь, а его братия бегала еще чаще. Поэтому действительно — лучше шашкой, так хоть тебе в спину не выстрелит. На сей раз сон показал, как все было, ну, кроме возвращения шеневских беглецов и того, как они потом добивали погнавших было их уйгур. Комполка, называемый здесь вслух «вашим благородием», поехал встречать сбежавших и при помощи переводчика и слов высокого давления пояснил китайцам, что если эти сыновья жабы попробуют стрелять, мешая его бойцам отдыхать, то он сделает с ними то, что уже сделал с мятежниками. Поэтому работайте, сукины дети, белым оружием!

Китайцы повиновались и пошли добивать оставшихся на поле холодным оружием.

У многих из них за спиной висела огромная кривая сабля шириной лезвия с ладонь, которую поднимать надо было двумя руками. Такой только палачу работать, что, собственно, так и было.

Николай Семенович, видя, что китайцы занялись привычным делом и ничего плохого не замышляют, дал отбой пулеметчикам. Теперь уже можно. Китайцы сейчас начнут обшаривать трупы и раненых, что скоро станут трупами, найдут у них терьяк, и тогда уже не опасны. Они сами уже по полю прошлись, и что хорошее заметили, то и взяли — хороших коней-карабаиров, хорошее оружие (вот с этим было не очень), ну и кому повезло — украшения или кошельки. Провизию не собирали — это пусть китайцы делают, у них солдат что добыл, то и съел: сам собрал, сам сварил, сам жевал.

А у «алтайцев» армия порядочная, там есть походные кухни и повара, чтобы сварить вечером кашу и чай. Баранину для каши уже обеспечили. А терьяк — пусть им китайцы давятся. В Алтайскую армию любителей опиума не брали, и при подозрении на опиоманию вышибали тут же. У господина Паппенгута на этом был пунктик, и его кукловоды тоже были не против.

А что приходилось делать, когда душа требовала не оолонга по-турфански, а чего-то крепче? Вот тут выручала солдатская смекалка. У уйгуров, как у всяких магометан, с го-

рячительным было не очень, китайцы всю гнали ханжу, но чаще всего такую дрянь, прости господи, что ее надо было вместо наказания давать. Потому ханжу покупали и заново перегоняли, для чего в полковом обозе ехал аппарат, и Тимоха Верещагин в специально отведенное время делал из дерьма конфетку, то есть из ханжи то, что нужно. Конечно, если покупать неоднократно перегнанное байцзю, то можно было Тимоху и не беспокоить, но чаще на продажу приносили явно перегнанное из местного навоза. Верещагин еще добавлял изюм со специями, отчего получалось вполне приличное пойло.

Китайцы свою водку потребляли в подогретом виде и из крохотных чашечек, емкостью где-то в десятую долю стакана. Разумеется, русская душа делала все по-другому, а когда китайское начальство бывало в полку в гостях, его тоже угощали от всей широты души. Обычно гости в этот день уехать не могли, да и утречком тоже не сразу. Было еще одно развлечение — предложить им похмелиться и показать, как это делается. Китайцы для такого не годились — у них на лицах читалось явное отвращение, смешанное со страхом.

Они, конечно, обычно столько сами не пили, но еще могли допустить, что можно показать невиданную отвагу в поглощении байцзю. Но не два дня подряд! Наверное, командир эскадрона Горячев, на их глазах выпивающий

стакан водки, казался им потомком демонов огня...

Сон тек и тек и завершился звонком будильника. Пора было идти на службу. Александра уже приготовила завтрак и укрыла его, чтобы не остыл, а сама решила досыпать. Аиде оставалась еще неделя каникул, так что девочке можно было посмотреть утренний сон.

Николай Семенович считал новейшие изобретения вроде утренней зарядки блажью и причудой для эмансипированных баб. Зачем оно другим? Начнешь готовить снаряжение и коня к походу, так и не надо будет руками махать и ногами тоже. Та же баба, пока мужу и детям на стол все приготовит — зачем ей физкультура? Это безмужние активистки из женотдела могут долго приходить в тонус, как выразался лекпом Азольский. Работящая баба берет тяпку и на огород идет, если мало завтрака для семьи, чтобы стряхнуть остатки сна.

Но в нынешнее время больно много этих свиристелок слушают. И даже для бойцов такое непотребство внедрили!

Пока Николай Семенович в душе рождал сей внутренний монолог, он успел умыться и заняться завтраком. Сегодня не день для бритья, так что все сборы пойдут быстрее. Поел, надел форму, натянул сапоги и, стараясь не сильно греметь подковками на каблучках, вышел из дому.

А уже в палисаднике прицепил шпоры. Тоже трофей из Восточного Туркестана. Еще

царские, савеловские! Не звон, а прямо музыка! Хоть и был Николай Семенович из казаков, а они, в отличие от армейской кавалерии, шпорами не пользовались, потому всю жизнь обходился без них, но вот такие шпоры отчего-то запали ему в душу. Поскольку учили его верховой езде без их помощи, оттого он и носил шпоры только тогда, когда не требовалось ездить верхом. А когда садился на коня, то уже без них.

И тут из-за угла показалась черная кошка, явно намеревающаяся пересечь дорогу браво-му капитану. Ан нет, не на того напала! Отпустить этой скотине пинок было несподручно, поэтому он сработал на опережение, перескочив две линии оградки другого палисадника и опередив тем наглую тварь. Черная скотина и потоптанные цветы остались позади, и там уже явно кто-то негодовал, потому Николай Семенович ускорил шаг и быстро покинул поле брани. И действительно брани — слова «вислюк» и «харцызяка» он точно разобрал. И это было не в адрес Троцкого и кошки. Но — с глаз долой, из сердца вон.

До казарм оставалось еще четыре квартала, на душе было легко и свободно, аж даже снова вспомнилось лихое время заграникомандировки. Жаль, нельзя рассказать, хоть и малость прихвастнув, где он там был и что делал. Давал кучу подписок, а когда малость сболтнул лишнего в подпитии, так пожаловались в партбюро, что разное рассказывает, про

какое не принято говорить. Он отругался, что, дескать, был на бровях и ничего не помнит, а потому если что и сделал, то не специально. Сам же втихую сказал секретарю партбюро, что на войне много чего делается негероического, особенно, когда восстания подавляют. Секретарь тоже негромко ответил: «Вот тут ты прав, Коля. Мне самому в плен попались ребята из нашего полка, что бандитствовать стали, и зачем их было в трибунал тащить, чтобы потом им после каждого революционного праздника отсидку на треть сбавляли?»

До разбирательства персонального дела не дошло.

А воспоминания о Восточном Туркестане сегодня аж плыли потоком. Сейчас пришел на память один паренек, что в тамошнем трактире (азиатское название что-то в голове не всплывало) наигрывал на двухструнном дутаре и что-то пел. Николай Семенович азиатские песни и музыку с трудом переносил, только политеса ради, но с этим парнем было как-то по-другому.

Потому он оторвал толмача от курения кальяна (тоже еще развлечение) и попросил перевести. Тот уже хорошо курнул, поэтому не сразу собрался и начал переводить. Знал толмач ихний диалект не очень, но кое-как смог, а потом Николай Семенович попробовал сделать что-то вроде песни. Вышло:

Ветер бьет в лицо,
Перепел кричит в траве,

Солнца щит в небесах,
А мы в поле!
Ветром пролетим,
Стрелой опустимся,
Копытами затопчем,
Имени не спросим!

Разумеется, все у Николая Семеновича самого не получилось, пришлось привлекать другого «алтайца» с образованием получше. Вот так и вышло, и не совсем плохо. Вообще уйгур пел не «в поле», а «в степи», но поручик-«алтаец» сказал, что «в поле» будет лучше для русского человека. И пояснил, что русские больше лесные люди, то есть живут в лесу или на краю леса, оттого открытое пространство для них ограничено — либо поляна в лесу, либо поле от леса до леса. А азиатцы привыкли к степи или пустыне, которая суть та же степь, но совсем пересохшая.

Тогда Николай Семенович ощутил сначала желание поспорить, поскольку он почитал себя тоже русским, но, как уроженец станицы Боковской Войска Донского, к степи привык сызмальства. Но потом вспомнил, что на Дону многие считали казаков не русскими, а отдельным народом, даже не сословием, а прямо народом. По молодости он это слушал и не встречал поперек, но потом, пообщавшись с умными людьми и книжки почитав, подумал, что все же это не ко всем казакам относится.

Рассуждал он так, что когда-то казаки без царской власти жили. Только изредка на

царскую службу шли или даже разбойничали на русской земле, но потом настало время, когда казаки царской власти покорились и стали жить в стране и царевыми верными слугами быть. До того они могли быть и не все русскими — жили они в степи, с азиатцами знались, когда воевали, когда суседились и на азиатских девках женились, так что частью казаки могли быть и нерусского вида и корня. Но большую часть казаков по рожам сильно от тех же москвичей не отличишь, говорят тоже по-русски, и рязанцы с тамбовцами их понижают.

В то же время татары казанские под русской рукой уже триста пятьдесят лет, а по-прежнему магометане, и язык у них свой, хотя по-русски говорить тоже могут, но меж собой по-татарски говорят. Те же малороссы за тот же срок и видом, и хозяйством на русских меньше схожи, чем казаки на русских, и, значит, казаки в основном русского происхождения. Конечно, в каком-то одностаничнике и другая кровь намешана, а калмыки еще дальше, но никто калмыка ни с казаком, ни с русским не перепутает. А вот с торгоутом из Восточного Туркестана — уже можно.

Так что пришел Николай Семенович к такому выводу не сразу, путем раздумий, но своих усилий ему стыдно не было.

Надобно сказать, что Николай Семенович порхал, аки птица удод, вдоль тропинки бедствий, и не ведал, что составлен против него